

и Украину. 3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии нужна, как достаточная соперница Турции».³⁸

Именно в 1689 г., и именно в мае, когда Квириин Кульман начал действовать в Москве, происходил Второй Крымский поход князя В. В. Голицына. Пятью годами ранее, в 1684 г., был заключен, правда, русско-шведский договор о подтверждении Кардисского мира 1661 г., но ко времени приезда Кульмана отношения со Швецией становились все более и более натянутыми. Без войны со Швецией Россия не могла выполнить важнейшую национальную и государственную задачу — вернуть земли по берегам Балтийского моря.

Не удивительно, что политическая программа Кульмана не могла вызвать никакого сочувствия и понимания в Москве.

При чтении «розыскного дела» сразу бросается в глаза, что у русского правительства сначала не было безусловно отрицательного отношения к Кульману и Конраду Нордерману. Вначале тон допросов вполне спокойный (розыск вели князь Алексей Васильевич Голицын и окольный Федор Леонтьевич Шакловитый). «Тетради и письма» Кульмана были отданы на отзыв и переводчикам Посольского приказа, и иезуитам Тихавскому и Давиду (чешским иезуитам!), и евангелическим пасторам Немецкой слободы. Только по получении от всех неблагоприятных отзывов, испещренных обвинениями в еретичестве, правительство решило прибегнуть к пытке, о которой говорилось как о крайнем средстве в царском указе 28 мая: «А буде в чем учнут заперитися и правды сказывати не станут, и их в том роспросить в застенке и пытать».³⁹

Тот факт, что иезуиты выступили против Кульмана, в комментариях не нуждается. Интересно другое: еще резче отозвались о Кульмане лютеране — пасторы Мейнеке и Бартольд и переводчик Посольского приказа Юрий Михайлович Гивнер, собственно Георг Хюфнер, выходец из Саксонии. Известно, например, что последний был яростным противником иезуитов. В 1690 г. польский резидент жаловался на него: «Он, Юрья, о высланных иезуитов бытия их в Москве лютером и кальвином в поругании на них, езуитов, роздал в Новонемецкой слободе письма».⁴⁰ Однако в отношении Кульмана и лютеране, и иезуиты были удивительно единодушны, за исключением кальвиниста Шондервурта, который отговорился недосугом и незнанием языков. Мейнеке прямо сравнивал Кульмана с Драбиком, недвусмысленно намекая, что первый, как и Драбик, заслуживает казни.

Причину этих нападок следует искать не только в том, что Мейнеке боялся потерять часть своей паствы (о борьбе Кульмана и Нордермана с Мейнеке см. у Д. Чижевского⁴¹). Главное заключалось в неприемлемости социальной программы Кульмана для лютеранских пасторов Немецкой слободы — программы, в которой сквозь религиозную оболочку явственно проступал утопический план создания общества, основанного на равенстве. Это, кстати, отлично почувствовали переводчики Тяжкогорский и Гивнер: «Кулман и... Нордерман веру держать той ереси, имянуемой квакори, которых в Галанской и в Аглинской землях... множество, подобны здешним расколщиком: живут своеобычно, и все имеют у себя в обще, и никоим образом не почитают, и предо монархами шляпы не снимают, и не токмо их госу-

³⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, издание второе, т. IX. М., 1958, стр. 7—8.

³⁹ Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства... стр. 126.

⁴⁰ Русский биографический словарь. Герберский—Гоенлоэ. М., 1916, стр. 173—174.

⁴¹ См.: Dmitrij Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 234 и сл.